

Э. Верхарн

СТИХИ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Э1

Э1 **Э. Верхарн**
Стихи / Э. Верхарн – М.: Книга по Требованию, 2021. – 330 с.

ISBN 978-5-458-24155-7

ISBN 978-5-458-24155-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Вступительная статья
Б. Л. Раскина

Оформление художника
В. В. Равкина

ПОЭЗИЯ ВЕРХАРНА

Грядущее! Тобой я вдохновлен,
Не бог, а ты владычествуешь ныне.

Верхарн

Выдающийся бельгийский поэт Эмиль Верхарн (1855—1916) жил и творил в конце XIX и начале XX века — на большом историческом рубеже. Завершался сравнительно мирный период, отмеченный гигантским ростом производительных сил общества, успехами науки и техники, накоплением «чудес» капиталистической городской цивилизации в странах Запада. Рекламный блеск огней всемирных выставок и писания энтузиастов буржуазного прогресса стремились внушить веру в вечный мир и процветание под эгидой «свободного предпринимательства». А между тем, вопреки этим иллюзиям, наступала эпоха грандиозных социальных сдвигов, эпоха войн и революций, и наиболее честные и чуткие писатели Запада не могли не слышать «подземных толчков» приближавшихся исторических потрясений.

К таким писателям принадлежал Верхарн. Ощущение предгрозового времени — кануна великих крушений и великих свершений — он выразил исключительно глубоко и многообразно. По свидетельству Н. К. Крупской, В. И. Ленин

в годы своей второй эмиграции «в бессонные ночи зачитывался Верхарном». ¹

Трудным, порой мучительно противоречивым был путь Верхарна. Он выступил в эпоху, когда поэзия на Западе была тяжело поражена упадочными настроениями «конца века»; развиваясь в русле символизма под эстетским знаменем «искусства для искусства», она все больше утрачивала связи с народной жизнью, все дальше заходила в тупик субъективизма. Молодой Верхарн рос в школе символизма, но отношения его к символизму были сложны: это было и усвоение, и использование, и борьба, и преодоление.

Верхарн был тесно связан со всей европейской — и особенно французской — жизнью и культурой своего времени. Но при этом поэзия его глубоко национальна; душой богатого и многогранного поэтического мира Верхарна была его родная Фландрия, ее люди и природа. Уже в своей первой книге — «Фламандские стихи» (1883), как бы отворачиваясь от современности, Верхарн воссоздает прошлое страны — старую фландрскую деревню с ее крепкими фермами, тучными нивами, со всеми приметам сельского изобилия и довольства. На этом колоритном фоне возникают ее люди, крепко спаянные с природой, живущие здоровой, простой жизнью, полной труда и радостей плоти. Пластичные до осязаемости образы этой книги, с их грубоватой натуралистичностью, как бы создают атмосферу творчества старых мастеров фламандского искусства, расцветавшего на почве патриархальной старины. Это искусство навсегда останется для Верхарна, автора монографий о Рубенсе и Рембрандте, примером гармоничного мастерства и эстетического здоровья.

Но для такого искусства — молодой Верхарн чувствовал это очень отчетливо — современность не создает почвы. И вот на смену рубенсовскому полнокровию «Фламандских стихов» приходит трагическое мироощущение книг «Ве-

¹ «Ленин о культуре и искусстве». М., «Искусство», 1956, стр. 507.

чера», «Крушения», «Черные факелы» (1888—1891), отразивших глубокий духовный кризис поэта. В них с потрясающей искренностью прозвучало отчаяние лирического героя Верхарна, затерянного в гнетущем и жестоком мире, боль его обнаженной души, фатально влекущейся к бездумию, безумию, смерти. Образы «распятых вечеров», умирания, увядания, гниения становятся здесь универсальными характеристиками бытия. На этом этапе своего творчества Верхарн всего ближе к Бодлеру, Верлену, Метерлинку. Глубочайший пессимизм, ужас и беспомощность перед объективной реальностью оказываются своеобразным мистифицированным отражением неблагополучия мира, уродливости царящих в нем бездушных законов, которые выносят

...в холоде надменного бесстрашья
Решения о том, какая для умов
И для сердец простых потребна мера счастья.

(«Законы»)

Выход из тупика отчаяния поэт нашел, обратившись от себя к людям, или, как сказал о себе Элюар, «от горизонта одного к горизонту всех». Путь этот, определивший большую социально-философскую содержательность зрелого Верхарна, пролегал через приобщение поэта к идеям социализма и практическое участие в борьбе бельгийского пролетариата, которая в девяностые годы имела решающее значение для всей социально-политической жизни Бельгии.

Книги «Призрачные деревни» и «Поля в бреду» (1893—1894) составляют грандиозную поэму об исторической гибели патриархального сельского уклада жизни под неумолимым натиском капитализма, о трагической судьбе когда-то богатой бельгийской деревни. Само существование людей деревни выглядит ныне чем-то призрачным, каким-то анахронизмом, тяжелый их труд — бессмысленным: рыбаки вытягивают своими сетями одну лишь нужду.

В поэмах о гибели деревни много символики. Образы рыбаков, звонаря, столяра, мельника, могильщика символизируют ненужность, бессмысленность человеческих ус-

лий, их срашенность с уходящим прошлым, господство изживших себя предрассудков. Сама деревенская природа с ее нетихнувшим, томительным дождем и «свирепым ветром ноябрей» дышит грустью и обреченностью. Как не похожи эти призрачные деревни с их истомленными людьми, с их нищими и безумными, с их темным фоном на дышащее изобилием и полнотой жизни село «Фламандских стихов»!

Но вчитаемся глубже: какое богатство реального жизненного содержания просвечивает сквозь эту мрачную символику, с какой силой и остротой раскрыта социальная и человеческая трагедия жалкого деревенского люда в таких, например, поэмах, как «Тот, кто дает дурные советы» или «Исход»!

«Поля в бреду» открываются поэмой «Город», в которой показана стихия, губящая деревню, разоряющая и развращающая ее людей. Это — город-спрут:

И бесконечные сплетения дорог
К нему от пастбищ и погостов
Ведут.

(«Город»)

О том же, об уничтожении городом всей живой красоты, рассказано в поэме «Равнина»; ею и начинается книга «Города-спруты» (1896):

Где прежде в золоте вечернем небосвода
Сады и светлые дома лепились вокруг, —
Там простирается на север и на юг
Бескрайность черная — прямоугольные заводы.

(«Равнина»)

Образ города — обычно туманно-расплывчатый — появлялся у Верхарна и раньше («Лондон», «Города», «Женщина в черном»). Но именно в «Городах-спрутах» Верхарн вырастает в крупнейшего поэта-урбаниста, ищущего новые пути поэтического воплощения нового содержания жизни. В гигантских символических образах этой книги возникают пестрые лики, кричащие контрасты и уродства капитали-

стического города с его «чудовищами» («Биржа», «Заводы», «Порт», «Торжище», «Мясная лавка»), с его утратившим человечность продажным искусством («Зрелища»); эпический размах и монументальность этих образов заставляют вспомнить грандиозные фрески городской жизни, созданные в романах Э. Золя.

Но город для поэта не только средоточие алчности, похоти, жестокой и тупой власти собственников («Статуя буржуа»), — вопреки громадам вещей, порабощающим человека, здесь рождается смелая мечта, зреют идеи, трудятся умелые руки и пытливая мысль; это котел, «где ныне бродит зло», но где куется будущее. И Верхарн вдохновенно воспекает энергию толпы, способной подняться в могучем порыве, «чтобы сотворить и воскресить» («Восстание»), чтобы изменить лик судьбы и прорваться «к будущему», — так гласит подзаголовок прекрасной поэмы «Города и поле», завершающей цикл «Города-спруты». В эти же годы Верхарн создал и свою знаменитую романтическую драму «Зори» (1898), полную драматизма и провидческого пафоса картину побеждающей народной революции.

Так итогом эпопеи о гибели патриархального прошлого стал поистине выстрадавший бельгийским поэтом оптимизм, широкое приятие жизни в ее вечном развитии, постоянном отвержении старого, в ее обновлении и неукротимом движении вперед. Верхарн идет к еще более широким поэтическим обобщениям. Книги «Лики жизни», «Буйные силы», «Многоцветное сиянье», «Державные ритмы» (1899—1910) поражают эпической мощью, смелостью фантазии и философской глубиной, ощущением обретенного поэтом душевного равновесия и просветленности. В поэмах этих циклов предстают различные моменты всемирно-исторической судьбы человечества, идущего мучительным, подлинно тернистым путем — через тяжелую борьбу с природой, через страдания и бедствия, войны и революции, через заблуждения и свершения — к лучшему будущему. Вот верхарновские полководец, трибун, банкир, тиран («Буйные силы») — колоссальные фигуры, олицетворяющие целые этапы истории. Трибун, своим пламенным пророческим словом поднимаю-

ший массы на штурм «фасадов золотых»; банкир — новый хозяин мира, решающий «за своим заваленным столом» «судьбы царств и участь королей»; тиран, поработивший волю миллионов и все же трагически одинокий на вершине своей славы... Воссозданные с настоящей психологической проникновенностью и мощью поэтического обобщения, они знаменуют собой звенья многострадального исторического опыта народов. И рядом другие образы, мифические и исторические: Геракл и Персей, Лютер и Микеланджело — героизм, борьба с духовным гнетом, муки творческих свершений — силы, прокладывающие для человечества крутые дороги прогресса.

Верхарн поет гимны дерзкой человеческой мысли, познающей «действительности смысл, что выпускаем мы из заточения, как духа из бутылки» («Наука»); он уверен, что знание победит заблуждения, «циркуль победит церковные кресты» («Утопия»); он славит самоотверженных апостолов истины, готовых на жертвы ради ее торжества («Остроги»). «Жить — значит жечь себя огнем борьбы, исканий и тревоги», — провозглашает поэт («Невозможное»). Он горячо любит рабочих людей, создавших своим трудом все богатства земли и держащих в крепких руках будущее мира. «Я с вами навсегда», — говорит он, обращаясь ко всем «работникам земли» («Труд»).

Но и зрелое творчество Верхарна не свободно от идейных противоречий. Поэт не избежал влияния реформистских предрассудков, столь широко распространенных в социалистическом движении на Западе перед первой мировой войной. Звучащему в его стихах хору «столкнувшихся ритмов мира» присущ некоторый объективизм: поэт как бы поднимается «над схваткой» мировых сил, стремится все понять и все оправдать; для него всё — необходимые звенья исторического процесса. И вот банкир и тиран стоят рядом с революционным трибуном, а прогресс научного знания нередко оказывается у Верхарна выше и важнее, чем подвиг социальной революции...

Большой национальный поэт, Верхарн продолжил и развил тему родной страны в книгах «Вся Фландрия», «Волнующиеся нивы», «Поэмы и легенды Фландрии и Бра-

банта». Героические страницы ее истории («Пирушка гезов», «Гильом де Жюлье») чередуются здесь с любовно воссозданными картинами природы и нравов старой Фландрии, с поэтическими раздумьями о гибели своеобразной красоты ее прошлого («Лодочник», «Курильщики», «Старые дома» и др). Можно понять чувства поэта-патриота, когда в 1914 году Бельгия подверглась нашествию германских армий. Но все же остается фактом, что Верхарн не смог постичь причины и подлинный смысл первой мировой войны, и стихи, посвященные этой трагедии («Алые крылья войны», 1916), значительно уступают прежним его произведениям.

Жизнь поэта трагически оборвалась: Верхарн погиб под колесами поезда в 1916 году. Быть может, великие события победоносного Октября помогли бы поэту, как это было со многими лучшими людьми интеллигенции Запада, яснее увидеть революционную истину, пробудили бы новый подъем его творческих сил... Но будем благодарны Верхарну и за то великое, что он успел создать. В эпоху, когда горизонты поэзии на Западе катастрофически сужались, он создал могучее искусство, поражающее грандиозным охватом истории и современности, природы и общества, национального и общечеловеческого, искусство, удивительное по смелости своей «кезды в незнаемое». Он напитал свою поэзию живительным соком высокой гуманности, простой и теплой человеческой добротой. Рядом с эпосом, воплощающим борьбу «буйных сил», он создал изумительную интимную лирику («Часы») — стихи пленительной нравственной красоты, чистоты и благородства.

Замечательный мастер стихотворной формы, Верхарн новаторски использовал так называемый верлибр (свободный стих), подчиняя само ритмическое движение стихотворения задаче полного и выразительного воплощения художественного содержания. Связанный многими чертами своего искусства с поэтикой символизма, Верхарн преодолевает художественный субъективизм, свойственный этому направлению. Живущий в его стихах сложный и динамичный мир образов-символов выражает объективную сущ-

ность действительности, постигнутую поэтом, воплощает страстную авторскую оценку жизни.

Русский читатель давно по достоинству оценил Верхарна. Горячим пропагандистом его поэзии был В. Я. Брюсов, создавший классические переводы творений бельгийского поэта.

Высшую радость и смысл своего творчества Верхарн видел в том, чтобы «в бой не опоздать», чтобы «подарить властительный свой стих народу». Себя он ощущал работником во имя грядущего. И поэт не ошибся: его мятежная поэзия навсегда вошла в духовный обиход человечества.

Б. Раскин